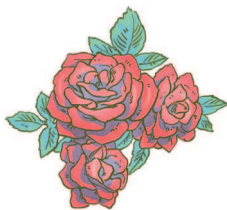

Люси Мод Монтгомери

Аня
из
Зелёных
Мезонинов

МОСКВА

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-44
М77

Lucy Maud Montgomery
ANN OF GREEN GABLES

Перевод с английского *Марины Батищевой*

Иллюстрации во внутреннем оформлении и на переплёте *Анны Зайки*

Макет *Олега Лёвкина*

Монтгомери, Люси Мод.

М77 Аня из Зелёных Мезонинов / Люси Мод Монтгомери ; [перевод с английского М. Батищевой]. — Москва : Эксмо, 2025. — 336 с. : ил. — (Подарочное издание. Знаменитая классика с иллюстрациями).

ISBN 978-5-04-215290-0

Это первая книга из цикла про Аню Ширли.

Когда рыжеволосая Аня Ширли приезжает на остров Принца Эдуарда, она уверена, что наконец нашла дом, о котором всегда мечтала. Аня сирота, у которой не было детства, потому что и в приёмных семьях, и в приюте она работала наравне со взрослыми, никто не дарил ей тепла, её жизнь до сих пор была «кладбищем надежд». Но её новые приёмные родители — Мэтью и Марилла Касберты — в замешательстве, ведь они просили прислать к ним мальчика, чтобы он помогал им на ферме в Зелёных Мезонинах. Девочка кажется им поначалу странной, постоянно попадает в неприятности, но со временем неуёмный оптимизм, богатая фантазия, добродушие Ани покоряют их и жителей Авонлеи.

Романы об Ане Ширли — это классическая история взросления со взлётами и падениями, печалью и радостями.

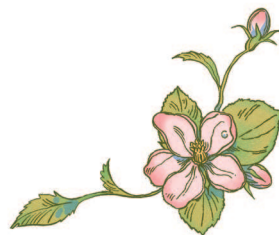
УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-04-215290-0

© Батищева М., перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Предисловие

Имя канадской писательницы Люси Мод Монтгомери (1874–1942) совершенно неизвестно русскому читателю, а между тем её произведения вот уже много лет пользуются огромным успехом как во всех англоязычных, так и во многих других странах, — они почти ежегодно издаются миллионными тиражами в США, Канаде, Англии, Австралии, появляются в переводах на другие языки, на их основе созданы театральные постановки и кинофильмы, а городок Кавендиш на острове Принца Эдуарда, где родилась, жила, творила и похоронена писательница и где происходит действие её книг, стал одной из достопримечательностей Канады и местом паломничества многочисленных туристов.

Биография писательницы самая обычная: она рано лишилась родителей и воспитывалась у дедушки с бабушкой, затем училась в университете, работала сельской учительницей, вышла замуж за пресвитерианского пастора и воспитывала двух сыновей. Но 1908 год, когда в Соединённых Штатах вышла из печати её первая книга «Аня из Зелёных Мезонинов», в основу которой легли детские впечатления писательницы, стал важной датой не только в её жизни, но и в жизни многих поколений девочек и девушек во всём мире. Успех книги был немедленным и неслыханным. Марк Твен горячо приветствовал её появление и назвал рыжеволосую героиню Монтгомери «самым трогательным и очаровательным ребёнком художественной литературы со времён бессмертной Алисы».

После выхода в свет первой книги писательница получила тысячи писем с просьбой продолжить историю Ани. И тогда появились следующие произведения, повествующие о судьбе Ани-подростка, девушки и, наконец, взрослой женщины («Аня из Авонлеи», «Аня с острова Принца Эдуарда»,

«Аня из Шумящих Тополей», «Анин Дом Мечты», «Аня из Инглсайда»), и другие, сюжетно связанные с ними повести об Авонлее и её обитателях, встретившие не менее восторженный приём у читательской аудитории.

Творчество и биография Л. М. Монтгомери стали предметом множества книг, статей, исследований. Если первоначально к её произведениям применялись критерии детской литературы, то в последние двадцать лет в связи с развитием феминистского направления в литературной критике исследователи интересуются присущим её творчеству глубоким подходом к вопросам становления личности женщины и анализируют его, применяя стандарты «литературы для взрослых», а не «детской классики».

Повествование о вхождении девочки или девушки в мир, где роль женщины во многом определяется патриархальными традициями, приобретает более глубокий смысл, становясь рассказом о борьбе женщины творческого склада за духовное выживание.

Хотя все эти книги обращены в первую очередь к юным читательницам, их, несомненно, с большим интересом и удовольствием прочтут и взрослые, ибо это оригинально, талантливо и с юмором написанные произведения, дышащие жизненной правдой и добротой и оставляющие в душе читателя светлое чувство.

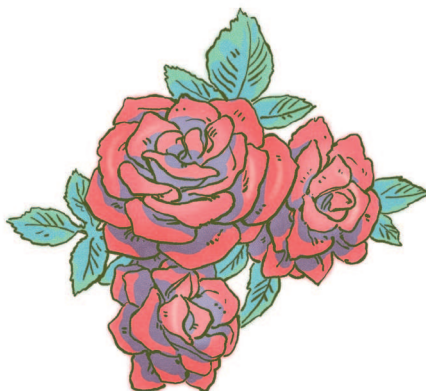
М. Ю. Батищева

Посвящается памяти моих отца и матери

Добрые звёзды в твоём гороскопе:
Вся ты — и дух, и огонь, и роса.

Браунинг

Глава 1

МИССИС РЕЙЧЕЛ ЛИНД УДИВЛЯЕТСЯ

Дом миссис Рейчел Линд стоял как раз в том месте, где широкая дорога, ведущая в Авонлею, ныряла в небольшую долину, окаймлённую с обеих сторон зарослями ольхи и папоротников, и где её пересекал ручей, который брал своё начало далеко, ещё в лесах, окружавших старый двор Касбертов. Там, в начале своего течения, этот ручей был капризным и своевольным, прыгал каскадами и разливался небольшими тёмными и таинственными прудами, но к тому времени, когда он добирался до Долины Линд, это уже был спокойный, благовоспитанный маленький поток, потому что даже ручей не мог протекать мимо дома миссис Рейчел Линд без должного соблюдения приличий. Он, вероятно, отдавал себе отчёт в том, что миссис Рейчел, сидя у окна, смотрит внимательным взором на всё, что делается вокруг, начиная от ручьёв и детей, и если она заметит что-нибудь странное или неуместное, то не обретёт покоя, пока не дойдёт до всех «отчего» и «почему».

Много есть людей, как в Авонлее, так и за её пределами, которые любят заниматься делами своих соседей, упуская при этом из виду свои собственные. Но миссис Рейчел Линд принадлежала к тем одарённым особам, которые, питая живой интерес к делам ближних, прекрасно управляют и со своими. Она была отличной хозяйкой, в доме у неё всё блестело: она вела кружок рукоделия для девочек, помогала организовывать занятия воскресной школы, была надёж-

нейшей опорой благотворительной организации при местной церкви и общества поддержки миссионеров. И при всём том у миссис Рейчел хватало времени, чтобы сидеть часами возле окна своей кухни, вязать на спицах одеяла из толстых хлопчатых ниток — а связала она их уже шестнадцать, как с почтительным трепетом в голосе говорили друг другу хозяйки в Авонлее, — и неусыпно наблюдать за дорогой, которая сворачивала здесь в долину, а затем вилась вверх по крутому красноватому холму. Так как Авонлея занимала маленький полуостров в форме треугольника, выступавший в залив Святого Лаврентия и окружённый с двух сторон водой, всякий, кто направлялся в эту деревню или из неё, должен был пройти по этой взбирающейся на холм дороге. И потому, сам о том не ведая, представлял пред всевидящим оком миссис Рейчел.

Как-то раз в начале июня она сидела в кухне на своём обычном месте. Тёплое яркое солнце заглядывало в окно. Сад, раскинувшийся на склоне холма за домом, стоял в чудесном подвенечном наряде бледно-розовых цветов, над которыми с жужжанием вились мириады пчёл. Томас Линд — скромный человек, которого все в Авонлее называли «муж Рейчел Линд», — сеял свою позднюю репу на склоне за коровником, и Мэтью Касберт тоже должен бы был сеять свою на большом поле у ручья, возле Зелёных Мезонинов. Миссис Рейчел знала, что должен, потому что слышала накануне, как он говорил Питеру Моррисону в магазине Уильяма Блэра в Кармоди, что собирается сеять репу на следующий день после обеда. Разумеется, Питер его об этом спросил, потому что Мэтью Касберт не принадлежал к числу людей, которые говорят о том, о чём их не спрашивали.

И однако вот он, Мэтью Касберт, в половине четвёртого, в будний день, не спеша направляется по дороге через долину. И что ещё удивительнее — так это то, что на нём его лучший костюм и белый воротничок — неопровержимое доказательство, что он выезжает куда-то из Авонлеи. И едет он в кабриолете, запряжённом гнедой кобылой, из чего ясно, что путь ему предстоит неблизкий. Так куда же Мэтью Касберт едет и зачем он туда едет?

Будь это любой другой человек в Авонлее, миссис Рейчел, минутку подумав, легко смогла бы дать ответ на оба этих вопроса. Но Мэтью

так редко выезжал из дома, что только нечто весьма настоящее и необычное могло заставить его двинуться в путь. Он был на редкость робким человеком, и отправиться туда, где он оказался бы в обществе незнакомых ему людей или где ему пришлось бы с кем-то разговаривать, было для него тяжким испытанием. Мэтью в белом воротничке, в кабриолете — такое редко случалось. Миссис Рейчел долго размышляла об этом, но так ни к чему и не пришла, и вся прелесть безмятежного вечера была для неё потеряна.

— Придётся после чая пойти в Зелёные Мезонины и выяснить у Мариллы, куда он поехал и зачем, — в конце концов решила эта достойная женщина. — Он никогда не отправляется в город в это время года и *никогда* не ездит в гости. Если бы ему не хватило семян и пришлось бы за ними поехать, то он не стал бы наряжаться и брать кабриолет. Не может быть, чтобы он направлялся за доктором, — он ехал слишком медленно для этого. Однако что-то, несомненно, произошло со вчерашнего вечера, что заставило его выехать из дома. Ну прямо загадка, скажу я вам! И я не успокоюсь, пока не узнаю, что же заставило Мэтью Касберта выехать сегодня из Авонлеи.

И вот после чая миссис Рейчел направилась к Зелёным Мезонинам. Идти было недалеко. От Долины Линд до просторного, утопающего в садах дома, где жила семья Касбертов, было всего четверть мили по большой дороге. Правда, потом предстояло ещё пройти по довольно длинной тропинке. Отец Мэтью Касберта, такой же робкий и молчаливый, как и его сын, постарался, закладывая своё хозяйство, разместить его как можно дальше от соседей, возле самого леса. Зелёные Мезонины были выстроены на самом дальнем краю принадлежавшего ему расчищенного участка и там стояли по сей день, едва видимые с дороги, вдоль которой дружно расположились остальные домики Авонлеи. Миссис Рейчел никак не могла назвать дом, выстроенный на таком месте, *жильём*.

— Это так, просто *крыша над головой*, скажу я вам, — говорила она себе самой, шагая по поросшей травой и обсаженной кустами шиповника тропинке с глубокими колеями. — Ничего удивительного, что Мэтью и Марилла оба чуточку странные, ведь живут они так обособленно. Конечно, если деревья могут составить компанию, то их тут,

слава богу, вполне достаточно. Но я предпочла бы смотреть на людей. По правде сказать, оба они, кажется, всем довольны, но я полагаю, они просто привыкли к такой жизни. Ко всему можно привыкнуть, как сказал ирландец, приговорённый к повешению.

С этими словами миссис Рейчел ступила с тропинки на задний двор Зелёных Мезонинов. Весь в зелени, очень чистый и аккуратный, двор этот был обсажен с одной стороны высокими старыми ивами, а с другой — ровными пирамидальными тополями. Ни одной случайно обронённой палочки или камешка не было видно, ибо, несомненно, миссис Рейчел увидела бы их, если бы они там находились. В глубине души она была уверена, что Марилла Касберт подметает двор так же часто, как и дом. Можно было бы обедать прямо на земле, не опасаясь проглотить даже и комочка грязи.

Миссис Рейчел энергично постучала в дверь кухни и, услышав «войдите», вошла. Кухня в Зелёных Мезонинах была просторной и весёлой... или, скорее, была бы весёлой, если бы не поразительная, пугающая чистота, придававшая ей сходство с гостиной, в которой никто никогда не бывает. Окна были обращены на восток и на запад. С западной стороны через окно, выходящее на задний двор, лился в кухню поток мягкого июньского солнца. Восточное же окно, через которое можно было видеть усыпанные белыми цветами вишни в саду и слегка покачивающиеся стройные берёзы в долине у ручья, зелене-ло от вьющегося вокруг него плюща. Здесь обычно и сидела Марилла Касберт, если уж она решалась присесть и отдохнуть, при этом всегда недоверчиво поглядывая на солнце, казавшееся ей слишком уж весёлым и легкомысленным для этого мира, к которому надлежало относиться со всей серьёзностью. Здесь сидела она и теперь, с вязаньем в руках. Стол позади неё был накрыт к ужину.

Миссис Рейчел ещё не успела как следует закрыть дверь, а уже заметила всё, что стояло на этом столе. Там было три прибора, так что Марилла, должно быть, ожидала, что кто-то приедет к чаю вместе с Мэтью. Но посуда была будничная, в вазочке — только яблочное повидло, на блюде — один вид печенья, так что ожидаемый гость вряд ли был очень важной особой. Но что же тогда означали белый воротничок Мэтью и гнедая кобыла? Миссис Рейчел совершенно растерялась,

не в силах разгадать удивительную тайну, так неожиданно окутавшую обычно тихие и совсем не таинственные Зелёные Мезонины.

— Добрый вечер, Рейчел, — сказала Марилла оживлённо. — Чудесная погода, правда? Садись, пожалуйста. Как там все ваши поживают?

Нечто такое, что, за недостатком другого определения, можно было бы назвать дружбой, всегда существовало между Мариллой Касберт и миссис Рейчел, вопреки — или, возможно, именно благодаря — несходству их натур.

Марилла была высокая худая женщина с фигурой из одних углов, без всяких изгибов. Её тёмные волосы, в которых уже виднелось несколько седых прядок, были, по обыкновению, свёрнуты в твёрдый маленький узел на затылке и безжалостно проткнуты двумя металлическими шпильками. Она производила впечатление женщины не слишком широких взглядов, но с суровой совестью, каковой и являлась. Однако что-то в очертаниях её рта, лишь чуть-чуть наметившееся, позволяло заподозрить в ней чувство юмора.

— У нас все здоровы, — сказала миссис Рейчел. — Я испугалась, не заболел ли у вас кто-нибудь, когда увидела Мэтью в кабриолете. Я подумала, не поехал ли уж он за доктором.

Губы Мариллы чуть дрогнули в понимающей улыбке. Она ожидала прихода миссис Рейчел, зная, что вид Мэтью, катящего по дороге в кабриолете, будет столь необъяснимым, что окажется слишком тяжёлым испытанием для любопытства соседки.

— О нет, я совершенно здорова, хотя вчера у меня очень болела голова, — сказала она. — Мэтью поехал на станцию в Брайт-Ривер. Мы берём на воспитание маленького мальчика из сиротского приюта в Новой Шотландии. Он приезжает сегодня вечерним поездом.

Если бы Марилла сказала, что Мэтью поехал на станцию, чтобы забрать кенгуру, полученного из Австралии, изумление миссис Рейчел не было бы бóльшим. Она онемела на целых пять секунд. Было невероятно, чтобы Марилла захотела подшутить над ней, но миссис Рейчел была готова предположить даже такое.

— Ты это серьёзно, Марилла? — спросила она, когда к ней вернулся дар речи.

— Да, конечно, — отвечала Марилла, как будто брать мальчиков из сиротского приюта в Новой Шотландии входило в число обычных весенних работ на любой порядочной ферме в Авонлее, а не было неслыханным доселе нововведением.

Миссис Рейчел почувствовала, что совершенно утратила душевное равновесие. Мысли её состояли из одних восклицаний. Мальчик! Марилла и Мэтью Касберты берут на воспитание мальчика! Из сиротского приюта! Да это прямо конец света! После такого её уж ничто не удивит! Ничто!

— Да как вам пришло такое в голову? — спросила она с неодобрением в голосе. Принимая решение, её совета даже не спросили, а потому следовало выразить неодобрение.

— О, мы думали об этом довольно долго, точнее, всю зиму, — ответила Марилла. — Миссис Спенсер была у нас здесь перед Рождеством и сказала, что весной собирается взять на воспитание маленькую девочку из приюта в Хоуптауне. Там, в Хоуптауне, живёт её кузина. Миссис Спенсер навещала её и узнала всё об этом приюте. Так что с тех пор мы с Мэтью всё время возвращались к этой теме в разговорах. Мы решили, что возьмём мальчика. Мэтью немолод, ты знаешь, ему за шестьдесят, и он теперь не такой бодрый, как прежде. И сердце у него не совсем в порядке. А ты ведь знаешь, как трудно сейчас нанять кого-нибудь, чтобы помогал на ферме. Тут нет никого, кроме этих глупых французских подростков. Только какого-нибудь из них приставишь к делу и чему-то научишь, как он убегает на завод, где консервируют омаров, или в Соединённые Штаты. Сначала Мэтью предлагал взять мальчика из Англии. Но я твёрдо сказала — нет. «Может, они и неплохие, я ничего против них не имею. Но я не хочу иметь дело с лондонскими уличными мальчишками, — сказала я. — Пусть он будет, по крайней мере, здешний. Конечно, риск будет, кого бы мы ни взяли. Но мне станет легче на душе и спать я буду спокойнее, если мы возьмём канадского ребёнка». Так что в конце концов мы решили попросить миссис Спенсер выбрать для нас мальчика, когда она поедет, чтобы взять девочку для себя. На прошлой неделе мы узнали, что она уже едет, и через семью Роберта Спенсера в Кармоди попросили её привезти нам сообразительного симпатичного мальчика лет десяти-одиннадцати. Мы соч-

ли, что это будет самый подходящий возраст — достаточно взрослый, чтобы сразу помогать по хозяйству, и достаточно маленький, чтобы успеть его правильно воспитать. У нас он найдёт хорошую семью, дом и получит образование. Сегодня пришла телеграмма от миссис Спенсер — почтальон принёс её со станции, — там сказано, что они приедут поездом в пять тридцать. Мэтью поехал на станцию в Брайт-Ривер встретить его. Миссис Спенсер высадит его там, а сама, разумеется, поедет до Уайт-Сендс.

Миссис Рейчел гордилась тем, что всегда высказывала своё мнение без всяких оговорок. К этому она и приступила теперь, уже определив своё отношение к этой потрясающей новости.

— Ну, Марилла, я прямо тебе выложу, что думаю. Вы делаете ужасную глупость! Это риск, скажу я вам. Вы не понимаете, что делаете! Вы берёте в свой дом чужого ребёнка, не зная абсолютно ничего ни о нём, ни о его характере, ни о его родителях, ни о том, каким он может вырасти. Вот, только на прошлой неделе я читала в газете, как один фермер с женой, из наших же мест, взяли мальчика из сиротского приюта, а тот взял да и поджёг ночью их дом — поджёг *нарочно*, Марилла, — и чуть не спалил их дотла прямо в постелях. И я знаю другой случай, когда усыновлённый мальчик высасывал все сырые яйца — они не могли отучить его от этого. Если бы вы спросили моего совета в этом деле — чего вы не сделали, Марилла, — я сказала бы: ради всего святого, и не думайте об этом! Так-то вот!

Это запоздалое предостережение, казалось, не обидело и не встревожило Мариллу. Она не переставала работать спицами.

— Не спорю, в том, что ты говоришь, Рейчел, много правды. У меня самой есть кое-какие сомнения. Но Мэтью ужасно привязался к этой мысли. Я поняла это и потому уступила. Мэтью так редко чего-нибудь хочет, что, когда это случается, я всегда чувствую, что мой долг уступить. А что касается риска, так риск есть почти во всяком деле. Риск есть и тогда, когда люди заводят своих собственных детей, если уж на то пошло, — тоже неизвестно, что из них вырастет. А Новая Шотландия — это совсем близко от нашего острова. Другое дело, если бы мы брали ребёнка из Англии или Соединённых Штатов. Канадский ребёнок не может уж очень сильно отличаться от нас.

— Ну, надеюсь, всё будет хорошо, — сказала миссис Рейчел тоном, который явно свидетельствовал, что она сильно в этом сомневается. — Только не говори потом, что я тебя не предупредила, если он спалит Зелёные Мезонины или насыплет стрихнина в колодец — я слышала, такой случай был в Нью-Брансуике, где приютский ребёнок сделал это, и вся семья скончалась в ужасных мучениях. Только в том случае это была девочка.

— Ну мы берём не девочку, — сказала Марилла, как будто отравление колодцев было чисто женской специальностью и не следовало опасаться такого со стороны мальчика. — Мне бы никогда не пришлось в голову взять на воспитание девочку. И удивляюсь, что миссис Спенсер это делает. Ну, впрочем, она усыновила бы весь сиротский приют, если бы только такая мысль пришла ей в голову.

Миссис Рейчел охотно бы задержалась и подождала возвращения Мэтью. Но, рассудив, что до его приезда остаётся ещё по меньшей мере добрых два часа, она решила пройти дальше по дороге до дома, где жила семья Роберта Белла, и сообщить им новость. Её слова, несомненно, произведут сенсацию, а миссис Рейчел очень любила производить сенсацию. И потому она удалилась, к большому облегчению Мариллы, которая чувствовала, что её собственные сомнения и страхи оживают под воздействием мрачных предсказаний миссис Рейчел.

— Ну и ну, слыхано ли такое! — воскликнула миссис Рейчел, выбравшись на тропинку. — Прямо как во сне. Жаль мне этого бедного мальчугана. Мэтью и Марилла ничего не знают о детях и захотят, чтобы он был умнее и степеннее его собственного дедушки, если, конечно, у него вообще был дедушка, что сомнительно. Странно даже представить, что в Зелёных Мезонинах появится ребёнок. Там никогда не было детей, потому что Мэтью и Марилла были уже взрослыми, когда их отец строил этот дом... Впрочем, кто знает, *были* ли они вообще когда-нибудь детьми; в это трудно поверить, глядя на них. Не хотела бы я оказаться на месте этого сироты. Боже мой, жаль мне его, скажу я вам!

Так, с глубоким чувством, говорила миссис Рейчел кустам шиповника. Но если бы она могла видеть того ребёнка, который в это время терпеливо ожидал Мэтью на станции, её жалость была бы ещё сильнее и глубже.

